

ЗОЛОТАЯ ЭРА
ОТЕЧЕСТВЕННОГО ДЕТЕКТИВА

ВИКТОР ПРОНИН

БОЖЬЯ
КАРА

МОСКВА 2025

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П81

Иллюстрация на обложке *Алексея Дурасова*

Пронин, Виктор Алексеевич.

П81 Божья кара / Виктор Пронин. — Москва : Эксмо, 2025. — 384 с. — (Золотая эра отечественного детектива).

ISBN 978-5-04-210184-7

Криминальный журналист Андрей приехал в Коктебель в разгар сезона. Но вместо долгожданного отдыха курорт ошеломил его неожиданной новостью: изнасилована и зверски убита дочка его старой знакомой. Мать погибшей созналась, что несчастная девочка — внебрачная дочь Андрея, о которой тот ничего не знал. Охваченный яростью, журналист порывается самостоятельно найти и отдать под суд преступника. Но убитой горем женщине законной справедливости мало, она приготовила маньяку свою, более жестокую кару...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-210184-7

© Пронин В.А., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

О, эта подлая постель,
О, этот злобный Коктебель,
О, будь ты проклят и забыт!
О, счастье — дождик моросит...

Ну что, Витя, поехали...

Мой друг, писатель Леонид Бабанин, прошлым летом прошел пешком от Ханты-Мансийска до Москвы. Даже если его путь всего лишь проследить по карте, расстояние вызывает страх и ужас. Примерно такое же состояние испытываю сейчас и я, находясь в самом начале романа, — мне предстоит преодолеть трехсотую страницу, а там уж как бог даст. Бабанин шел два месяца. У меня примерно столько же времени. Ему было легче — его не одолевали соблазны, а у меня рядом, в одном километре, гудит, грохочет, клокочет Москва. Но я не могу больше носить в себе историю, которую собираюсь рассказать, такое никто не сможет носить в себе слишком долго. Да и зачем, если есть бумага и два месяца свободного времени... (Сразу признаюсь... Не уложился я в два месяца и в четыре тоже. Полгода моей единственной жизни сожрали эти страницы — все дождливое лето 2008 года, да еще прихватили конец весны и начало осени.)

Коктебель... Опять Коктебель...

Когда-то я воспел его в «Брызгах шампанского» с восторгом искренним и неудержимым. Но все меняется. Строчки в начале этой страницы передают нынешнее мое к нему отношение. Возможно, когда-нибудь я снова его

полюблю, любовью легкой и необязательной, но чуть попозже, чуть попозже...

Поезд из Днепропетровска в Феодосию приходил на рассвете, чуть ли не в четыре часа утра, но было уже светло, и утренняя сумеречность быстро исчезала под напором поднимающегося из-за моря розового сияния. Свежий, ночной еще воздух трепал вагонные шторы, сонная проводница незлобиво ворчала на бестолковых пассажиров, за окном мелькали редкие алые маки, голубоватая крымская полынь чуть колыхалась на слабом ветерке.

Все это было знакомо, все радостно волновало и обещало скорую встречу с морем. Недолго постояли у Владиславовки, еще меньше у Айвазовской и — впереди осталась только Феодосия. Сквозь мутные, годами невымытые стекла вагонов можно было рассмотреть еще пустынные пляжи, потом потянулась набережная, утыканная разноцветными киосками. И, наконец, состав, скрежеща и содрогаясь всем своим ржавым железным телом, начал тормозить.

Приехали.

Феодосия.

«А вы не ждали нас, а мы приперлися», — пел я когда-то в давние наши глупые и веселые времена. — «Многих уж ребят с тех пор не стало, многие подались кто куда, времена счастливые настали — снова появились господа... Но исчезли наши переулки, наши подворотни и дворы, не услышишь больше старой «Мурки», подрастают юные воры...»

Такие вот теперь песенки пошли...

Авось и других дождемся.

Водитель, видимо, узнал Андрея, поздоровался, подхватил его сумку и, не спрашивая согласия, поволок ее к машине. Андрей не возражал. В Коктебеле его многие знали.

— Как погода? — спросил он, когда уже выехали за город.

— Ну, ты даешь! — рассмеялся Саша, только сейчас Андрей вспомнил, что водителя звали Сашей. — Какая погода может быть в июле в Коктебеле! Снег валит каждую ночь! Но к утру тает.

— А вода?

— Двадцать три. Сойдет?

— Стерплю.

Саша долго молчал, обогнал машину, еще одну, на горизонте показались острые вершины Карадага. Улучив момент, он быстро взглянул на Андрея:

— Докладываю... У Наташи все в порядке. Весела и хороша собой.

— Пользуется успехом?

— Как никогда!

— Дай бог, — сказал Андрей спокойно. Почти спокойно. — К ней не пробиться?

— Можно, но не стоит. Там такие качки... В Коктебель боксеры на сборы приехали... И тяжеловесы. Юношеская сборная Украины.

— Круто... А Света?

— А у Светы плохо.

— Болеет?

— Хуже.

— Но хоть жива? — спросил Андрей, уже не зная, что думать.

— Еле-еле душа в теле.

— Говори уже наконец!

— Понимаешь... Андрюша... Дочка у нее... Погибла дочка. Леночка... Месяца два назад.

— Утонула?

— Хуже... Ты вот что... Загляни к Свете... Она сейчас маленько не в себе... Что сможет, сама расскажет.

Не все она рассказывает, не всем... Ты обязательно к ней зайди... Это не мое, конечно, дело... Но Коктебель — поселок небольшой...

— Саша, — простонал Андрей, — не тяни!

— Видишь ли... В поселке поговаривают... Леночка-то... На тебя похожа. Была.

— Так, — протянул Андрей озадаченно. — Так... На одного меня?

— Андрюша... Я все понимаю. Коктебель — поселок не только маленький, но и блудливый. Как сказал наш поэт Жора Мельник... «Я проснулся — нет вина, и к тому ж в чужой постели... Значит, точно с будуна, значит, точно в Коктебеле».

— Как поживает Жора?

— Хорошо поживает. Выпустил книгу... «Души нетрезвые порывы». Пользуется бешеным успехом у юных красавиц.

— Жора или книга?

— Оба! — хмыкнул водитель.

— Света живет там же?

— А где же ей еще жить?

— Тоже верно...

— К ней едем? — осторожно спросил Саша.

— Да боязно спозаранку... После твоих рассказов... Зайду, конечно. Попозже. Еще застану там кого-нибудь... Из юношеской сборной.

— Ей сейчас не до этого... Она знает, что ты приезжаешь?

— Нет. Только Жора.

— Что ж он не встретил?

— Да ладно... Чего мужика дергать в такую рань. Ему пришлось бы среди ночи в Феодосию мчаться... Он тоже все знает?

— Все знают.

— Почему же он мне ничего не сказал? Мы перезванивались...

— Стеснялся.

— Так что там с Леночкой? Задушили, зарезали, изнасиловали?

— Всего понемножку. Куда едем?

— В Дом творчества.

— Там сейчас никого нет.

— Вахтер-то найдется... Муха на месте?

— При исполнении. Муха всегда на посту.

Машина, не снижая скорости, проехала в громадную ажурную арку с надписью, которую можно было прочитать за километр, — «Коктебель — страна коньяков».

— Соответствует? — спросил Андрей, кивнув на арку.

— Еще как! Убедишься сегодня же...

Когда-то, кажется, совсем недавно коктебельский Дом творчества писателей был едва ли не самым соблазнительным местом в стране. Сюда стремились не только те, чьи портреты украшали школьные учебники по литературе, но и юные дарования, жаждущие увидеть классиков хотя бы издали, а если повезет, то и прочитать им свои незрелые стишата. Сейчас весь роскошный парк перегорожен железными заборами на участки, у каждого уже свой хозяин, кто-то уже вырыл траншеи под фундамент, вырубил акации и кипарисы, завез бетонные блоки, плиты, перемычки — новая жизнь наступает решительно и необратимо.

Да и классики куда-то все подевались, не видно их последнее время ни на коктебельской набережной, ни в нижнем буфете Дома литераторов в Москве, ни на книжных ярмарках — замкнулись, в себя ушли, в угрюмом молчании переживают счастливые перемены в стране.

Административный корпус стоял темный, с запертыми дверями, которые вдобавок были еще укреплены кованой решеткой. Андрей постучал, в глубине здания возникло

какое-то движение, и он увидел знакомое сонное лицо Веры — бывшей хозяйки столовой Дома творчества.

— О, какие люди! — радостно закричала она и принялась отмыкать замки. — К нам?

— Как получится... Если возьмете.

— У нас нынче дорого.

— Да слышал... Поставили телевизоры и увеличили плату в десять раз.

— Как и везде, Андрей Николаевич. На диване постелить?

— Давай на диване.

— Часа три еще можно поспать. Может, у меня и поселишься? Совсем рядом, за забором... Условия даже лучше, чем здесь...

— Как получится, — повторил Андрей.

Вера погасила свет в вестибюле и ушла в свою каморку. Андрей, не раздеваясь, лег поверх одеяла и, закинув руки за голову, попытался разобраться во всем, что рассказал Саша.

Света... Что-то у них с ней получалось, что-то не получалось... Коктебель действительно небольшой поселок, и без внимания она здесь не оставалась ни летом при наплыве отдыхающих, ни зимой при саднящей тишине, пустоте, когда от безлюдья можно было тронуться умом. В любимчиках Андрей у нее давно уже не числился, и теперь, в последние годы, ему вполне хватало вечерней беседы с тем же Жорой Мельником или со Славой Ложко — на голубой скамейке у набережной они частенько распивали бутылку-вторую холодного алиготе, обсуждая подробности быстротекущей жизни.

Леночка... Ей было лет десять... Поэтому если она и была похожа на Андрея, то по чистой случайности. Десять лет назад его здесь не было, десять лет назад он ездил в Пицунду. Там и лето длиннее, и море чище... А песок,

какой там песок! А какую чачу делали местные виноделы... Коктебельский коньяк не сравнится — он и жестче, да хмель какой-то нерадостный. А от чачи шел дух «Изабеллы», «Лидии»... Виноград нашей молодости, ребята. И хмель чача давала легкий, веселый, беззаботный! Хотя вполне допускаю, что и легкость, и беззаботность давала не столько чача, сколько те еще наши годы.

Повздыхав, поворочавшись на диване, Андрей в конце концов все-таки заснул. Не поверил он водителю. И в те ужасы, которые сам же и расписал, тоже не поверил. У Коктебеля были, конечно, недостатки — мог здесь человек и загулять, и запить, мог удариться в другие не менее соблазнительные пороки, но чтобы вот так... «задушили, зарезали, изнасиловали», как Андрей предположил в глупом каком-то кураже... Нет, невозможно, опять же Света местная, а местных здесь стараются не трогать, разве что они сами пожелают оторваться с приезжей компанией. На что уж Наташа любит распоясаться, но и ее чаще можно увидеть с местными. С ними можно и покурить чего-нибудь запретного, и выпить лишнего, не опасаясь, что бросят тебя где-нибудь в состоянии беспомощном и недостойном.

Проснулся Андрей уже в девятом часу. Солнце ломилось в окна с такой силой, что, кажется, под его лучами прогибались стекла, за окнами раздавались голоса, гул машин — теперь уже и машинам позволено было ездить по заветным аллеям парка. Вера еще спала, и он не стал ее будить. Сложив белье в стопку, расположив сверху подушку и распрямив, одернув все четыре уголка, Андрей подхватил свою сумку и вышел в парк.

Сквозь зелень деревьев пробивались солнечные зайчики, загорелые красавицы стайками торопились по центральной аллее к морю, знакомый вахтер Муха у железных ворот приветствовал его, как всегда, радостно и хмельно.

— Денег у тебя одолжу потом, — таинственно прошептал Муха. — А пока обживайся.

— Договорились, — ответил Андрей.

Все в это утро было прекрасным, но не покидало Андрея не то дурное предчувствие, не то отголоски разговора с водителем, не то собственные неосторожные слова, выскочившие как бы сами по себе, как бы даже без его участия. Знал он, не впервой, что подобное состояние не бывает на пустом месте, не бывает зряшным. Что-то все-таки случилось со Светой, что-то громоздкое, тяжелое и неприятное ожидало его на пятом этаже дома в Долинном переулке.

Андрей взял в киоске коньяк, бутылку пива и расположился на скамейке лицом к солнцу. Пиво было холодное, киоскерша Надя поздравила его с прибытием, Саша от своей машины помахал рукой, напоминая, что он на месте и в случае чего всегда готов куда угодно. Андрей тоже взмахом руки ответил, что все понял, что водителя и необыкновенное его мастерство помнит, и в случае чего только к нему и ни к кому больше...

Коктебель узнавал его, приветствовал в первое же утро и готов был принять в свои объятия. Но в душе продолжало что-то ныть и жалобно поскуливать. Не выдержав, Андрей бросил в железную урну бутылку с остатками пива, набросил ремень сумки на плечо и, не останавливаясь, зашагал в сторону рынка, к Долинному переулку. Не зря он тянул время, не решаясь появиться у Светы до девяти часов — опасался застать у нее ночного ухажера, как это уже бывало.

Коктебель — куда деваться.

По ступенькам Андрей поднимался медленно, чтобы не запыхаться к пятому этажу. На площадке постоял некоторое время и наконец решил позвонить.

Дверь открылась тут же — на пороге стояла Света.

— А, это ты, — проговорила она без выражения и, пропустив в коридор, закрыла за его спиной дверь, задвинула щеколду замка. — Не разувайся, — сказала она, увидев, что он наклонился к босоножкам.

— А может, все-таки... — начал было Андрей, но Света не дослушала.

— Как хочешь. — Она первой прошла на кухню, села спиной к окну, забросила ногу на ногу и закурила. — Присаживайся. Выпить есть?

— Коньяк.

— Давай по глоточку.

Что-то в Свете озадачивало Андрея. Он попытался понять, взглянул на нее внимательней. Похудела, осунулась. Ногти не в порядке. Домашний халат, а под ним, похоже, ничего. Загар на груди сплошной. Значит, с нудистами загорает, как обычно. У блондинок часто волосы у корней темные — у Светы этого никогда не было, нет и сейчас. И глаза... В глазах у нее вроде затаилась та темная громоздкость, которая привиделась ему, когда он лежал на диване в вестибюле Дома творчества.

— Ну что? — спросила Света. — Изменилась?

— Немного есть.

— Знаю. — Она раздавила окурок в переполненном блюде, взяла у Андрея бутылку, одним движением свинтила пробку и плеснула в две чашки, стоявшие на столе. — Извини, не хочется возиться с рюмками. Я помню твою привычку — протирать рюмки до хруста... Попозже, ладно? Будем живы. — Она глухо ткнулась чашкой в чашку Андрея, выпила коньяк одним глотком и снова закурила. — Как поживаешь?

— Поживаю, — Андрей повертел ладонью в воздухе. — По-разному. Мне уже успели сказать... У тебя что-то случилось?

— Это тебе так сказали? У меня что-то случилось?

— Водитель по дороге... Саша, ты его знаешь...

— И что же он сказал?

— Да ничего толком... Сказал, что ты сама расскажешь... Если захочешь.

— Правильно сказал... Лену убили. Задушили, зарезали, изнасиловали.

Андрей вздрогнул, услышав слова, которые сам недавно произнес. Не зная, что ответить, наполнил чашки. Отставил бутылку, поднял свою чашку, Света тут же взяла свою.

— Давай, Андрюша... Я могу разговаривать только после двухсот грамм коньяка. Будем живы. Хорошо, что ты зашел... Мне Жора сказал, что ты приедешь... У него книжка вышла... Слышал? Он тебе подарит... Всем дарит.

На этот раз Света выпила медленно, осторожно поставила чашку на стол и откинулась на спинку продавленного пляжного кресла.

— Когда это случилось? — спросил Андрей.

— Днем. Я отлучилась в Феодосию. Часа на три.

— Где?

— Дома. Здесь.

— А как он вошел? Лена впустила?

— Нет... Он ее впустил.

— Так...

Андрей работал журналистом, писал очерки на криминальные темы — следственные, судебные, адвокатские. Он знал взаимоотношения судьи и прокурора, адвоката и подследственного, следователя и оперативного работника. Были у него в прошлом заметные подвиги — как-то удалось снять областного прокурора, понизить в должности министра, нескольких человек вытащил из-за колючей проволоки, и это получалось, хотя и нечасто. Пусть нынешние, вроде бы при свободе, без цензуры, попробуют добиться чего-нибудь похожего. Впрочем, они и не стре-

мятся к этому. У них другие заботы, да и журналистика нынче другая, другие цели — личные, мягко выражаясь.

За краткими ответами Светы ему открывалось гораздо больше, чем она могла или хотела сказать. Умел он вести подобные расспросы и знал — главное, не пережать, не показать излишнего своего интереса, не проявить своего отношения к убийству. Вопросы должны быть простенькими, не беда, если они покажутся глуповатыми, за ними — искренность и потрясение.

— Значит, он пришел в квартиру раньше Лены? — Андрей повторял вопросы, на которые уже получил ответы — Света говорила нечто такое, что трудно было понять с полуслова.

— Ты, Андрюшенька, стал на удивление сообразительным, — кривовато усмехнулась Света.

— Стараюсь.

— Да, он пришел в квартиру раньше Лены и дожидался ее уже здесь.

— А как вошел?

— Через дверь.

— У него был ключ?

— Да.

— Где же он его раздобыл? Украл? Нашел? Снял слепок?

— Все проще, Андрей... Я сама ему дала.

— Ключ? — не удержался от уточнения Андрей.

— И кое-что еще... Рассказать подробнее?

— В другой раз. Его взяли?

— Нет.

— Успел сбежать?

— Нет. Он в Коктебеле. Загорает, пьет коньяк, знакомится с девушками... Прекрасно себя чувствует. Здоров, весел, слегка пьян.

— Но убил Лену он?

— И все остальное с ней проделал тоже он.

— А что еще он с ней проделал... Кроме того, что убил? — Андрей чувствовал, что вопросы задает действительно дурацкие, но других у него не было.

Все, что говорила Света, выходило за рамки здравого смысла. Она сама дала убийце ключ, уехала на три часа в Феодосию, убийца дождался ребенка, изнасиловал, убил и благополучно ушел... Андрей молча взял со стола бутылку, снова наполнил чашки коньяком и, не дожидаясь, когда Света возьмет свою чашку, выпил.

А Света поднялась, прошла в комнату и тут же вернулась.

— Посмотри, — сказала она, протягивая снимок.

Андрей легко взял фотографию, всмотрелся и тут же зажмурил глаза. Не закрыл, не прикрыл, а именно зажмурил, словно опасался, что изображение просочится сквозь неплотно сомкнутые веки. Прошло какое-то время, пока он решился снова взглянуть на снимок. Видимо, его сделали уже в морге. Глаза девочки были приоткрыты, и она смотрела прямо на Андрея. И даже легкая улыбка, казалось, чуть тронула ее губы. Но это был мертвый взгляд, и улыбка мертвая. Но ужаснуло Андрея другое в снимке — все тело было покрыто ранами от ножа. Убийца, видимо, потерял самообладание и бил, куда попадал.

— Двадцать шесть ударов ножом, — негромко проговорила Света.

— Многовато, — некстати проговорил Андрей.

— Да уж куда больше. — Света не заметила странного замечания Андрея.

— Это сколько же ей было... Десять лет?

— Восемь.

— Подожди... Ты же говорила, что ей десять! Ты не один раз мне говорила, что ей десять лет, а в школе она отстаёт на два класса по болезни... Ты же сама мне говорила!

— Врала, — усмехнулась Света. — Чтобы успокоить тебя... Уж больно ты переживал, все добивался от меня, сколько ей лет... Вот я и сказала, что десять. И у тебя сразу все вопросы отпали, поскольку десять лет назад мы с тобой еще не были знакомы. И снова у нас мир, дружба и даже что-то вроде любви, да, Андрюшенька?

— А Лена...

— Она все знала. Дети чувят. Ей и слова-то мои были не нужны. Как-то прибегает ко мне работу, я тут недалеко в магазин на зиму устроилась продавцом... Так вот, прибегает, счастливая вся, глаза сияют, даже шапочку не успела надеть — папа звонил! Это ты как-то среди зимы вспомнил обо мне...

— То-то мне Саша сегодня в машине намекнул... На тебя, дескать, Лена была похожа.

— Да что там Саша! Весь Коктебель об этом судачит! Но теперь-то тебе нечего бояться, никто на шею не сядет!

— Лучше бы уж села. — Андрей осторожно положил снимок на стол изображением книзу.

— Эти бы слова, да чуть пораньше, — тихо проговорила Света. — Я этот снимок каждый вечер под подушку кладу... И знаешь, к утру раны у нее на теле меньше становятся. Представляешь, затягиваются. Когда мне в милиции этот снимок вручили, раны были куда больше... Не то что сейчас... И глаза у нее на снимке открываются все больше, улыбка появилась... Слабенькая такая улыбочка, но все-таки... — Света взяла снимок и, склонив голову к плечу, еще раз всмотрелась в него. — Надо же, улыбается. У нее раны ведь совсем затянутся, да? — Света доверчиво посмотрела на Андрея, словно ожидая, что он подтвердит ее слова.

— Ладно, — сказал он. — Разберемся. А почему милиция его не взяла?

— Они не знают, кто это сделал.

— Ты не сказала?

— Нет.

— Почему?

— Так надо.

— Ты не хочешь, чтобы его наказали?

— Ты что?! Конечно, хочу!

— Не понял?

— Я не хочу, чтобы его наказала милиция, не хочу, чтобы был суд, чтобы все выясняли, выпрашивали, уточняли подробности, куда он вначале ударил, куда ударил потом, изнасиловал он ее сперва или задушил... Не хочу. Ни милиции, ни суда, ни приговора не хочу.

— Тогда я сам с ним разберусь.

— Нет, не надо.

— Так. — Андрей посмотрел на бутылку, в которой еще оставался коньяк, но наливать не стал. Разговор опять оказался за пределами здравого смысла, Света, похоже, поплыла, и психиатр ей бы не помешал.

— Думаешь, умом тронулась? — Она усмехнулась. — Нет, — захмелев, Света медленно поводила указательным пальцем из стороны в сторону. — Я не хочу никакого правосудия, никакой людской справедливости. Я хочу божьей кары. Бог не может такое простить. Вот он пусть его и накажет. Как сочтет нужным. И как бы он ни поступил, я буду согласна.

Андрей помолчал, окинул взглядом кухню, взгляд его снова уперся в бутылку, на этот раз он не стал бороться с собой и разлил остатки коньяка.

— Знаешь, есть пословица... Бог, конечно, все видит, да не скоро скажет.

— Я подожду. — Света, не чокаясь, выпила свой коньяк. — А пока... Пока я буду наказывать его свободой. Ты где остановился?

— Вера приглашала.

— Правильно. У меня не надо. Я сейчас плохая, как ты успел заметить, — и легкая, почти неуловимая вульгаринка прозвучала в ее тоне. — А ключи вот возьми на всякий случай.

— Это те самые ключи?

— Да. Он впопыхах оставил их в двери. Жизнь прижмет — заходи в любое время.

— Спасибо. — Андрей подбросил ключи на ладони. — Не с ними ли я провел прошлое лето?

— Они самые. Не бойся, они уже незаразные — я их неделю в водке отмачивала.

— А я случайно не наткнусь здесь на кого-нибудь?

— Не наткнешься, Андрюшенька. Это я тебе обещаю.

— Как зовут этого придурка?

— Не скажу.

— Я его знаю?

— Нет, он из новеньких.

— Телефон Веры помнишь?

— Что за глупые вопросы!

— Мне надо идти... Вот номер моего мобильного. — Андрей положил на стол визитку. — Извини. Я загляну. Ни пуха.

— К черту!

Андрей больше не мог находиться в этой квартире, не мог вести почти сумасшедший разговор и, уходя, попросту сбежал, а если уж точнее — спасался. Подхватив свою сумку, он набросил ремень на плечо, у двери обернулся. Что-то надо было сказать, какие-то слова произнести, посочувствовать... Но нет, не нашлось у него слов. Может, и к лучшему, подумал он, спускаясь по лестнице. Слова, сказанные в такие вот печальные минуты, имеют обыкновение выныривать из прошлого в самые неподходящие моменты и вмешиваться уже в ту жизнь, в события, которые случатся через годы. И не всегда вмешательство давних

случайных слов уместно, часто оно просто разрушительно. Лучше уж без них обойтись. Скажу что-нибудь попозже, решил Андрей.

«Значит, говоришь, затягиваются раны, — мысленно обратился он к Свете. — И глазки открываются, и улыбка все шире... Если так дальше пойдет, спрыгнет она однажды с каменного стола в море и пойдет бродить по коктейбельским набережным... Хотя куда это меня занесло... Ведь давно уже похоронили девочку».

Должность у Веры в Доме творчества была не слишком высокой — заведующая столовой. Но дом она построила хороший, трехэтажный, почти на территории парка. До моря можно было дойти минут за пять. Поэтому летом комнаты в доме не пустовали, несмотря на цену. Серьезная цена была у Веры, как, впрочем, и у всех, кто жил весь год на эти летние заработки.

Андрею досталась комната на третьем этаже — маленькая, но со всеми удобствами и с совершенно потрясающим видом на Карадаг. Один этот вид, наверно, стоил половину общей цены. Не задерживаясь, Андрей бросил сумку в угол, запер дверь и спустился вниз.

— Глоточек? — окликнула его Вера, женщина молодая, жизнерадостная и прекрасно понимающая, чего хочется постояльцу, который первый раз спустился во двор.

Андрей молча подошел к небольшому столику в тени акаций, сел на табуретку, подпер руками подбородок и в упор посмотрел на хозяйку.

— А в прошлом году не спрашивала, — ворчливо проговорил он.

— Я и сейчас не спрашиваю... Я напоминаю. — Из большой квадратной бутылки она наполнила стакан густым темно-красным вином.

Андрей залпом отпил полстакана, вытер ладонью губы, улыбнулся.